

УДК 821. 222.1: 808.1 (575.2) (04)

ОМАР ХАЙЯМ – ДЕЯТЕЛЬ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ

Б.Т. Койчнев

Рассматриваются различные концепции творчества Омара Хайяма в контексте эпохи Возрождения, трактуемой как закономерный этап развития мировой культуры.

Ключевые слова: Омар Хайям; литературные направления; эпоха Возрождения; суфизм.

Омар Хайям – это имя одно из самых известных в общественном сознании не только восточных, но и западных читателей. Вместе с тем, творчество его вызывает самые противоречивые, порой диаметрально противоположные, суждения и толкования. Широко известно и часто цитируется высказывание известного востоковеда Валентина Алексеевича Жуковского: “Он вольнодумец, разрушитель веры; он безбожник и материалист; он насмешник над мистицизмом и пантеист; он правоверующий мусульманин, точный философ, острый наблюдатель, ученый; он гуляка, развратник, ханжа и лицемер. Он не просто богохульник, а воплощенное отрицание положительной религии и всякой нравственной веры; он мягкая натура, преданная более созерцанию божественных вещей, чем жизненным наслаждениям; он скептик-эпикурец, он персидский Абу-л-Ала, Вольтер, Гейне... Можно ли, в самом деле, представить, – продолжает В. А. Жуковский, – человека, если только он не нравственный урод, в котором могли бы совмещаться и уживаться такая смесь и пестрота убеждений, противоположных склонностей и направлений, высоких доблестей и низменных страстей, мучительных сомнений и колебаний”¹.

В массовом сознании зачастую Омар Хайям известен как певец вина и земных радостей. Таким он предстает перед западным читателем после перевода Э. Фитцджеральда, представившего в рубаят Омара Хайяма лирический образ автора, прошедшего эволюцию от чувственно-гедонистического наслаждения жизнью в молодости и философского осмысления ее в зрелые годы до мистически-религиозного раскаяния и взывания к Всевышнему на исходе жизни.

Американский культуролог Чаттертон в статье “Омар Хайям и священное вино” утверждает мысль, что этот поэт, по крайней мере, в переводе Э.Фитцджеральда, нанес непоправимый урон европейской нравственности, прежде всего пессимистическим пафосом своих произведений. Поэт призывает наслаждаться жизнью, жить сегодняшним днем, пить полную чашу земного бытия, но пить как *горькое лекарство*, ибо она быстротечна и неотвратно минует, останется лишь прах – глина, из которой гончар лепит кувшин, а кравчий наполнит вином – забвением от невзгод земного существования и неотвратимой смерти. Печальным персом с бокалом вина в руке предстает Омар Хайям в трактовке Чаттертона.

Французский ориенталист Дармстетер отразил в европейском литературоведении иное осмысление образа вина в классической поэзии мусульманских народов: “Человек непосвященный сначала будет удивлен и немного скандализирован местом, какое занимает вино в персидской поэзии. Застольные песни Европы – песни пьяниц; в Персии же это бунт против Корана, против святош, против подавления природы и разума религиозным законом. Пьющий для поэта – символ освободившегося человека; для мистика – еще более того, вино есть символ божественного упоения”².

Литературоведение советской эпохи представляло Омара Хайяма как противника религии, ревностного борца за социальную справедливость. В достаточно качественной научно-популярной работе братьев Шамиля и Камиля Султановых, изданной в 1987 году, еще можно встретить строки следующего содержания:

¹ См.: Султанов Ш., Султанов К. Омар Хайям. – М.: Молодая гвардия, 1987. – С. 6.

² Дармстетер Дж. Происхождение персидской поэзии. – М., 1925. – С. 61.

“Можно думать, между строк Хайям пытается сопоставить ортодоксальный мусульманский запрет вина с иными, куда более стеснительными запретами догматиков ислама, имеющими в эксплуататорском обществе вполне определенный социальный контекст”¹.

Мусульманская литературоведческая традиция со времен самого Омар Хайяма связывает его творчество с суфийским мировоззрением, а образы вина, возлюбленной ассоциирует с религиозным экстазом и гранями земного и божественного бытия. В суфийском духе трактуется творчество Омар Хайяма известный исследователь Свами Говинда Тиртха, утверждающий, что под вином Омар Хайям подразумевал разные категории мистического напитка (вино печали, вино бытия, вино духа, вино жизни, вино познания бога и т. д.), а “возлюбленная” – это ни что иное как бог.

Диаметрально противоположные точки зрения на творчество Омар Хайяма коренятся в многозначной природе художественных образов, воссоздающих явления жизни в формах самой жизни, а значит, и позволяющих рассматривать их с многогранных позиций проявлений земного бытия и субъективного взгляда на них человека, несущего в себе социально-психологический груз мирозерцания и мировоззрения.

Представляется, что одними из наиболее плодотворных в осмыслении творчества писателя могут являться историко-культурный и сравнительно-типологический подходы, предполагающие осмысление поэзии Омар Хайяма в контексте мироощущения эпохи и в сопоставлении с тенденциями мирового историко-литературного процесса.

И.П. Умов дал яркий образ поэта и его эпохи: “Несравненные по форме, его четверостишия заключают в себе глубокие мысли то философского, то гедонистического, то пессимистически-мрачного характера... Скептик и мистик-философ, углубляющийся в тайны рока, ищущий объяснения земных скорбей у божества и тщетно взывающий к нему безответному; человек, отрешившийся от прошлого, не верящий в будущее, живущий лишь в мимолетном настоящем, клеймящий колкими сатирами лицемерие и ханжество современников; – он жил и творил в ту эпоху, когда воззрения мистиков-суфиев как бы явились результатом самой жизни, где все было мимолетно и непрочно, когда царства ру-

шились одно за другим, великие и мудрые властители внезапно падали жертвами неведомых убийц, старые верования сменялись новыми, и дикие орды кочевников, хлынув из неведомых стран, сметали и сжигали древнюю культуру Ирана. Это был XI век, век нашествия на Иран тюрков-сельджуков, век кровавых войн и блестящих султанов, век таинственной власти грозной секты ассасинов, раскинувшей свои сети и рассылавшей тайных убийц по всему Ирану”²⁴.

В двадцатом столетии достаточно большое распространение получает научная концепция, согласно которой эпоха Возрождения, является этапом не только европейской культуры, но и закономерным явлением в истории различных народов, переживших свою античность. Ученые заговорили о китайском, центральноазиатском, мусульманском, грузинском Ренессансе. Заметим, что подъем культуры, проходивший в различных регионах и в различное время, характеризовался при этом типологическими чертами, позволяющими говорить об общемировой тенденции. Академик Н.И. Конрад, один из основоположников и ярких сторонников концепции Ренессанса как мирового явления, отмечал, что центральноазиатское Возрождение приходится на X–XV века.

Творчество Омара Хайяма развивалось в русле возрожденческих тенденций, намеченных в фарсиязычной литературе Рудаки, Ибн Синой, Носир Хосровом.

“Адам поэтов” Рудаки, наверное, впервые в фарсиязычной с художественной полнотой и гуманистическим пафосом воспел человеческую личность, не героя, царя, а человека грешной земли, с его многогранным и противоречивым миром чувств. Человеческая личность, являющаяся центром мироздания, занимает главное место в творчестве Омара Хайяма.

Вслед за Ибн Синой Омар Хайям прибегает к лаконичной и в то же время выразительной форме рубаи, столь напоминающей философский силлогизм. Наверное, неслучайно эта форма оказалась столь близка энциклопедистам восточного Возрождения (Ибн Сине, Омар Хайяму, Джами, Алишеру Навои).

Ряд тем переключается у Омара Хайяма с творчеством Носира Хосрова, особенно с касыдой “Спор с богом”. В качестве примера приведем рубаи:

¹ Султанов Ш., Султанов К. Омар Хайям. – М.: Молодая гвардия, 1987. – С 215.

² См.: Умов И.П. Персидские лирики X–XV веков. – М., 1910.

На свете можно ли безгрешного найти?
Нам всем заказаны безгрешные пути.
Мы худо действуем, а ты нас злом караешь,
Меж нами и тобой различия нет почти.

У мертвых и живых один владыка – ты;
Кто небо завертел над нами дико? Ты.
Я тварь греховная, а ты создатель мира;

Жизнь сотворивший смерть ты создал вслед
за тем,
Назначил гибель ты своим созданьям всем.
Ты плохо их слепил? Но кто ж тому виною?
А если хорошо, ломаешь их зачем.

Эпоха Возрождения не случайно породила титанов мысли и духа, ведь в основе ее безграничная вера в человека – центра Вселенной, последней эманации бога, как считали суфисты. Сокровенная тайна человеческой природы, смысла его земного существования привлекала к себе художников слова самых различных эпох. Поиски личностного ответа на эти проклятые вопросы заставляет читателей вновь и вновь обращаться к поэзии Омара Хайяма, чтобы вслед за ним подумать о Главном: Приход наш и уход загадочны, – их цели

Все мудрецы земли осмыслить не сумели.
Где круга этого начало, где конец,
Откуда мы пришли, куда уйдем отселе?